

ЧУДОВИЩЕ

*«От безумца до гения – вечность.
От гения до безумца – один шаг».*

Если бы ты знал, неизвестный, читающий эти строки, – кто их пишет, – ты бы отвернулся, но не спеши, быть может, тебе, светлому, в твоей солнечной стране понадобятся эти туманные писания, рожденные в темную эпоху, эпоху стыда и раскаяния... Не спеши, те, кто давно умер, смотрят на тебя и надеются, что ты простишь им, во имя будущего, их прижизненный лепет, так же как простишь мои предсмертные хрипы.

ХРИПЫ:

I

Жалость, порождающая любовь, – последнее дело. –
Во мне нет ни жалости, ни любви
Огненные корабли – мои глаза, – на плаву нот симфоний жизни. Одна из них – Аллегро.
И разве я виноват, что мать моя была чудо, а ее супруг был гад.
От нее у меня – страсть к невыразимому, от него – цинизм.
Мать – отеклась, он – бросил.
Но это не автобиография, я хочу тебе показать свои внутренности.

II

Самое удивительное – это мое сердце: шкатулка из красного дерева с тайной внутри. – Постучишь – откроется, но стучать нужно ногами и не один круг. К тем, кто бос – оно вообще глухо: нищие – попрошайки и свиньи.
Для тех, кто несет сокровища – проверенную дорогой истину, – я могу открыть секрет, – и даже открываю его.
– Там, на дне, – Пустота!

III

Старость меня забавляет, когда ищет молодости место! – Что может знать гниющее о завязи? – Новой завязи?!
Что оно может дать? – Опыт растрепки?!
Я видел случку собак:
Три хозяина находились рядом:
Кто журил, кто помыкал, кто бросал дельные советы. Достойная порнография умывающему руки солнцу! А потом они возьмутся за детей! Исторический случай!

IV

Вот вам мои легкие – фильтр, где уживаются выхлопы прогресса и послепотопный озон.
Интересная взаимоисключающая парочка – потоп и прогресс. – Два режима сигнала бедствия, две руки одного мастера. Все это похоже на слизывающую следы волну или на водяные часы, работающие по принципу весов!
Мои чудовищные легкие – насос, которому приходится перекачивать не только нефть танкеров, но и нечистоты их капитанов:
Убийцы, калеки,
шуты, безумцы,
прокаженные, недотепы

воры и рабы –
все здесь! –
Истинно скажи, чем ты дышишь. – И я скажу – кто ты!

V

Пасха. Торгуют Христовым телом и кровью! Веселое время замаскированных язычников, – шальной маскарад забвения:
Лицедеи скачут по дорогам и проповедуют Христову любовь! Что это? Обезьяньи бега?
Площади, как и встарь, заполнены хороводами вокруг статуй Ваала!
Слепцы! Они не знают, кто такой Ваал!
Невольные жертвы лицемерной изнанки!
У набережной, где море штурмует замки, творцы песочного великолепия вбирают Вечности глотки, чтобы растратить их, построив новый храм, подальше от волны страстей, на счастье, – своеобразная уплата долга.
На улицах импровизация весны доходит до братания сектантов, ведь истина одна: «Воскрес»! – Пророки плоскости, где опоздало время, шаманы тех гвоздей, что не ржавели..
Грустные морщины мои ложатся на их благую весть и растворяются в ее терпкой вине!

VI

Идет служба у памятника собаке!
– Я плачу. Застрелите меня!
Впрочем, нет. Я опять смеюсь.
О, чудовищные слезы, на улыбках истерики.
Ах, чудовищный смех, над кристаллами боли! –
Национальная трагикомедия эмоций!

VII

Иногда ко мне приходят Ангелы. Что надо этим бездельникам? Господи, прости, я никогда не поливал небо грязью, но вот уж как четверть века вижу одно – непоправимую топь. Слышу одно – пытки утопленников. Чувствую одно – жадные руки плена...
Она – изматывает, заставляет каменеть.
Он – держит за горло, заставляет хрипеть.
Мой голос в крови, жидкой крови жутких мест. – Жидкая жизнь!

VIII

Я один из немногих, кто знает свой лик, кто видит малейшие движения свои и малейшую падающую тень.
Петляющие в мыслях – эти дети непостоянства – возятся около, с проблемами, на лужайке своих же фантазий.
Мой желудок давно переварил все их понятия и выстроил из них здоровенный собор современному вкусу – антиномию делийского лахта!

IX

Мертвый дом, что наверху, – цветом разлуки на лицах у прохожих. Некогда я любил его открытые двери: подарки носил, идеал лепил. – Чудовищное заблуждение с похотью за одним столом.
Случилось так, что нашу дорогу перебежала смерть, с тех пор лунный ад только смешит меня своими прелестями. – Чудовищное заблуждение с похотью не только за одним столом.

X

Ханжеству я рублю пальцы, пусть не щекочет правду, она не любит смеяться! Голая, она вызывает тишину, чудесную тишину после огня, странную тишину, иногда страшную!
Люди падают ниц у этих ног!..
Время умирает, исторгая человеческое!..
Безбрежное предъявляет счет приходящему!!!
Ложь тогда рассыпается в прах!
Мало не дрогнувших остается, не потерявшихся. Меньше всего я вижу способных бесстрастно приблизиться;
Я – тот, кто однажды прошел насквозь.

XI

Со своей колокольни я всматриваюсь в облака: одни – хранят грозу, другие – весь этот подвиг.
Звонарем, глашатаем дня оказался резчик по дереву; для меня он искусный хирург!
Бережно носит сны в рукаве его призрак. Мои пятки скользят по его зеркалу.
Я разбиваю тысячи лет на одно мгновенье...
Я смотрю вниз и не набираюсь влаги...
Я улыбаюсь, когда еще кажется больно...
Я разделяю свои половины и властвую...
Я дирижирую, соединив все отзвуки мира...
Я убиваю молчаньем, не хуже чем словом!!!...

XII

Есть на границе два столба: между правым и левым, старое небо рождает детей через них. Разных по знаку, двуликих по времени суток.
Каждый танцор золотой середины держит эти ворота в обратный путь.
Каждый, кто открывает тайны, – канатоходец.
Вий Зазеркалья – мой смех над равниной. Яблоко Евы – моя ностальгия!

XIII

Бывает я поднимаю правую руку:
Меня заполняет вакуум.
В смерти находиться так же приятно, как в жизни, если в кармане обратный билет. Полезно иногда покинуть терновник – возвращение с новым лицом, новым солдатом. Не вижу ничего плохого в битве и не вижу ничего плохого в могиле, если их рисунки на столе моих трапез выполнены бесцветным карандашом!
А когда нужно кому-то мое конкретное мнение, – я кричу: «Вон отсюда!»

XIV

Вчера мне показали мелочность, расчетливость и дребезжание нервов (будто я не знаю эти транскрипции эгоизма). В еще не старом сосуде кипела эта мышьяная спесь – волшебная смесь – и выливалась мне под ноги, желая заполучить обувь – она же у меня непромокаемая...
... Когда надоело, я заткнул дыру в крышке!!!

XV

На привокзальных часах позеленели стрелки.
Улицы города, витрины магазинов, толпы зевак купаются в тине.

На церковных колоколах поет лебединую песню век
И двадцать человеческих пальцев, покрытых корыстью, смотрят на Восток в предвкушении
чистки и ожидания завтрака – классическая позиция проститутки.

XVI

Лживый муравейник, – я еще доберусь до тебя. – Рассадник скорби, пустопорожний балаган в
одеждах правопорядка, ничтожество в тогах закона... А впрочем, тьма с тобой, матерый слепой!
Что толку махать фонарями на безлюдной улице?! Что толку колотить труп!?
Я – типичный представитель кротианства.
Мои подзорные трубы с потрескавшимися от холода стеклами...
Мои цветные монокли... Ах, когда-то они были цветными. – Теперь мука да сажа.
Мои черные очки рассекречены и разбиты какой-то сволочью в парадных костюмах.
И в мои глаза тихонько вкрадывается кладбищенская ночь!

XVII

Когда я выброшу очередную иллюзию – скомкаю ее, как лист бумаги, смешав краски...
Когда я, хлопнув дверью, окажусь опять без часов и без компаса...
Когда проснусь утром со свежей головой на постели из желтых роз...
Когда зафрахтованное судно даст прощальный залп...
Когда светила станут светлячками в моих опустевших ладонях...
Когда будет безразлично, безмятежно, беспощинно... – Тогда мир... Этот гостеприимный хозяин,
которому садятся на голову, заставляя свирепеть и давать пинка...
Этот мир перестанет быть охотником.

23.04.98